

ГДЕ-ТО В МИРЕ ЕСТЬ СОЛНЦЕ

Майкл Грюнбаум

и Тодд Хазак-Лоуи

Свидетельство о Холокосте

Тодд Хазак-Лоуи
Майкл Грюнбаум

Где-то в мире есть солнце.
Свидетельство о Холокосте

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51576403

*Где-то в мире есть солнце. Свидетельство о Холокосте: Издательский дом «Самокат»; М.; 2020
ISBN 9785001670322*

Аннотация

Автор этой книги – Майкл (Михаэль, Миша) Грюнбаум – родился в 1930 году в Праге. После того как нацисты в 1939 году оккупировали Чехословакию, его отца арестовали и казнили в тюрьме гестапо, а сам Миша в 1942 году вместе с матерью и сестрой был отправлен в страшное место – гетто Терезин и пробыл там до конца войны. Майкл удивительно четко вспоминает свои переживания, страхи, надежды – то, как чувствовал он все это тогда, в свои 12–14 лет. Повествование не просто «основано на реальных событиях» – это и есть реальные события.

Книга появилась в 2015 году и сразу вошла в шорт-лист премии «Еврейская книга». Она также стала лауреатом премии «Выбор родителей» в США и получила Серебряную медаль

литературной премии «Эврика!» – книги нон-фикшен для детей.
Идеальная пара к книге Ури Орлева «Остров на Птичьей улице».

Содержание

Предисловие	7
Часть I	13
11 марта 1939 года	13
15 марта 1939 года	20
2 октября 1939 года	27
16 сентября 1940 года	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Майкл Грюнбаум, Тодд Хазак-Лоуи

Где-то в мире есть солнце. Свидетельство о Холокосте

Published by arrangement with Aladdin, an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Иллюстрации предоставлены: courtesy of the United States Holocaust Memorial Museum; photo courtesy of Michael Gruenbaum; photo courtesy of United States Holocaust Memorial Museum; United States Holocaust Memorial Museum, courtesy of Henry Kahn; Marta Tobolova © Shutterstock, 2020; courtesy of the United States Holocaust Memorial Museum.

First Aladdin paperback edition April 2017 Text copyright © 2015 by Michael Gruenbaum

© Сумм Любовь, перевод с английского, 2019

* * *

Посвящаю полтора миллионам еврейских детей, уничтоженных во время Холокоста, и особенно всем ребятам из «Нешарим», выжившим и не выжившим, с которыми мы два с половиной года делили комнату номер 7 корпуса L417 в концлагере Терезин. Многие из них были гораздо талантливее меня, но, к несчастью, их жизни и таланты сгинули в газовых камерах Аушвица.

И нашему руководителю Франтишеку Майеру – Франте, который в двадцать лет в невысказанно трудных обстоятельствах стал почти отцом для восьмидесяти неуправляемых подростков и помогал нам выжить, укрепляя командный дух. Этот дух мы храним и поныне.

Майкл Грюнбаум

Семье Грюнбаум в прошлом, настоящем и будущем.

Тодд Хазак-Лоуи

Предисловие

В мае 1945 года, спустя несколько дней после освобождения из концлагеря Терезин, моя мать отправила жившим за границей родственникам такое письмо:

Это первое письмо, из которого подлый и злобный глаз цензора уже ничего не вычитает. Не знаю, как начать, чтобы рассказать вам обо всем, что мы пережили за эти годы, ничего не упустить. Каждая открытка, каждая посылка от вас была частицей тепла, частицей счастливой жизни, утраченной нами. Я обращаюсь к вам – таким, какими вас помню, хотя нам кажется, что мы никогда уже не сможем перекинуть мостик к тем, кто провел эти годы не здесь, не с нами, кому повезло не знать, через какой ужас, страх и глубокую скорбь мы прошли.

Едва ли нам стоит надеяться, что кто-то еще из близких остался в живых. Мы и сами спаслись чудом. Три раза нас готовили к транспорту – а Мишу даже четыре! Вы не можете себе представить эти перепады от жизни к смерти. Выглядим мы хорошо, несмотря на совершенно недостаточное питание: в качестве примера сообщу, что мы, все трое, за два с половиной года съели три яйца. И те мы раздобыли тайно, по 170 крон каждое. Мишина сестра работала в прачечной, Миша был развозчиком – все равно что лошадь. Иногда, пряча под курткой тетрадь, он ходил к другу

заниматься, но у них так ничего и не вышло: слишком много было препятствий и слишком мало времени. Мы ведь работали по десять часов в день.

Пока неизвестно, какое будущее нам уготовано. Из старых друзей в живых не осталось никого. Мы не знаем, где будем жить. Мы ничего не знаем! Но где-то в мире есть солнце, горы, океан, книги, маленькие чистые квартирки, и, наверное, можно выстроить свою жизнь заново.

О чем писала моя мама? Что это за место, в котором детям приходилось вместо учебы работать по десять часов в день? Что такое «транспорт» и почему для избавления от него требуется чудо? И какое чудо?

Книга, которую вы держите в руках, ответит на эти вопросы и на многие другие. Это рассказ о моей жизни с девяти до пятнадцати лет, когда Прагу, мой родной город, захватили немецкие нацисты и делали все, чтобы полностью уничтожить общину пражских евреев. Почему я решил рассказать об этом семьдесят лет спустя? Это отдельная история.

После смерти моей матери в 1974 году мне достался собранный ею альбом военных лет – альбом, который хранил память о Терезине. Терезин – транзитный лагерь, устроенный нацистами на севере Чехословакии. Сюда отправляли большую часть евреев из самой Чехословакии (а иногда и из других европейских стран), затем из Терезина их вывозили

в Аушвиц¹ и там убивали.

Я много лет берег этот альбом из любви к маме и, лишь когда сам достиг «преклонного возраста», решил, что пора подыскать место, где альбом и впредь будут хранить и заботиться о нем. Я колебался: можно отдать его в Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, или в Музей Терезинского гетто в Чехии, или в Пражский еврейский музей, или же в Бейт-Терезин (Израиль), где собирают и выставляют вещи и документы, связанные с историей лагеря. В итоге я решил подарить мамин альбом, а также собственную памятную книгу, в которую многие мои товарищи по Терезину вписали по одной странице, Мемориальному музею Холокоста: я убедился, что это надежное место и у него достаточно средств, чтобы сохранить оба драгоценных тома в хорошем состоянии для следующих поколений.

Архивариус Джудит Коэн, приехавшая ко мне домой, не могла поверить в такую удачу: в последние годы подобные экспонаты попадают в музей нечасто. Ведь я передавал ей не один-два документа, а целую подборку, упорядоченную, в отличном состоянии. Музей высоко оценил этот дар. В календаре 2010 года была отведена отдельная страница моей маме и нашей семье. Более того, мисс Коэн выбрала несколь-

¹ Аушвиц – крупнейший из нацистских концлагерей и лагерей массового уничтожения людей. Аушвиц – немецкое название, которое использовалось нацистской администрацией. Из школьной программы и из литературы на русском языке нам хорошо известно польское название – Освенцим. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

ко страниц из маминого альбома и включила их в постоянную экспозицию музея. И наконец, она сделала для «Странички хранителя» на сайте музея небольшой фильм о нашей жизни в период нацистской оккупации. Многие из тех документов вы увидите и в книге, которую держите в руках.

Все это вдохновило меня тогда на создание книжки-картинки для маленьких детей. В ней нарисованный медведь рассказывал о том, как нашей семье удалось избежать транспорта из Терезина в Аушвиц, где нас ждали газовые камеры. Хотите знать, почему я выбрал рассказчиком медведя? Ответ вы найдете в этой книге, обещаю.

Я взялся за ту книжку, потому что знал, что малыши любят истории с картинками. К тому же еще раньше, много лет назад, я сочинил несколько рассказов от лица разных зверей.

Я долго переписывался с литературными агентами и издателями, но пристроить ту книгу так и не удалось. В частности, мне указывали на то, что малышам, которые играют с плюшевыми мишками, рановато читать о Холокосте, а когда дети готовы к знанию о Холокосте, им уже неинтересны плюшевые мишки. Так что, скорее всего, у моей книги оказалось бы не так много читателей.

Зато один издатель спросил, не соглашусь ли сотрудничать с профессиональным писателем, который поможет мне рассказать эту историю детям среднего школьного возраста. Я с радостью принял его предложение. Года два я работал сначала с одним, затем с другим соавтором – и вот кни-

га закончена. Должен сказать, что я доволен результатом. В этой книге описаны удивительная отвага, воля, изобретательность, упорство одного человека – моей мамы, а также сильное желание выжить и надежды на лучшие времена.

Лучшие времена пришли, хотя и не сразу и на другом континенте. После освобождения в 1945 году мы вновь поселились в Праге и изо всех сил старались вернуться к нормальной жизни. Однако вскоре стало ясно, что у власти вот-вот окажутся коммунисты. Поняв, что это неизбежно, мама написала друзьям в Соединенные Штаты и попросила сделать нам визы. Через полтора месяца после коммунистического переворота мы покинули Чехословакию, но еще два года пришлось прождать на Кубе, прежде чем подошла наша очередь на въезд в США.

Мамина мечта сбылась: мы сумели построить свою жизнь заново. Построить с нуля: четырежды мы лишались всего имущества. Сначала нацисты конфисковали все, до чего смогли дотянуться. Кое-что мы успели переправить на хранение в Лондон, но там в склад угодила немецкая бомба, и наше имущество пропало. В Терезин разрешено было взять с собой не больше ста фунтов багажа на человека, а все остальное пришлось раздать знакомым, и по возвращении из лагеря вернуть удалось очень немного. А то, что мы переслали в Нью-Йорк перед выездом из Чехословакии, было продано с аукциона, потому что кто-то забыл вовремя внести ежемесячную арендную плату за хранение. Каждый раз нам при-

ходилось начинать все с самого начала, зато мы усвоили, что любые вещи можно заменить другими и что по большому счету материальное достояние не столь уж важно. И мне, и моей сестре удалось найти прекрасных спутников жизни, создать новые семьи, и это наконец-то сделало мою маму счастливой, как она того заслуживала.

Но сейчас вы будете читать книгу не о счастье. Речь пойдет о самых жестоких годах моей жизни – таких жестоких, что моя жизнь чуть не оборвалась раньше, чем мне исполнилось пятнадцать. Об этих событиях можно прочесть и в опубликованной около десяти лет назад книге моей покойной жены Тельмы Грюнбаум «Нешарим. Дети, выжившие в Терезине». Но теперь я впервые рассказываю эту историю читателям, которым сейчас столько лет, сколько мне было тогда.

Сегодня, говоря о Холокосте, люди повторяют: «Об этом нельзя забывать». Я тоже думаю, что нельзя. Но, чтобы что-то не забывать, надо прежде это знать. Мне бы хотелось, чтобы моя книга стала тем самым «мостиком», о котором мама говорила в своем письме. Я надеюсь, что, прочитав эту книгу, вы поймете, в каком мире мы жили – и чудом выживали – с 1939 по 1945 год. И я уверен: когда вы увидите, каков был этот мир, вы никогда это не забудете.

Майкл Грюнбаум

Часть I

Прага, Чехословакия

11 марта 1939 года

Мой рекорд – пятнадцать.

– Куда ты так торопишься, Миша? – повторяет отец уже не первый раз с той минуты, как мы вышли из дома. – По-медленнее, – говорит он мне, почти смеясь. Мы идем по набережной Влтавы, лучшей реки в мире.

Папа не понимает: для рекорда мне же нужно разогреться, подготовиться. Потому что сегодня будет новый рекорд, я точно знаю.

Папа вообще не любит торопиться.

– В шабат² не полагается бегать.

Это он уже пятый раз мне напоминает. Но я не обижаюсь на папу: он всю неделю так много работает. Мы его почти и не видим. Иногда он даже ночевать домой не возвращается. А завтра он и вовсе уедет в Лондон. Я ужасно огорчаюсь, когда папа уезжает. Хотя, конечно, если ты юрист и работаешь на самое богатое семейство Праги, приходится выполнять что велят.

² Шабат – суббота (*ивр.*).

Но у меня тоже есть дело. Я должен побить собственный рекорд. Сегодня.

Сейчас мы ступим на Чехов мост. Чайки гоняются друг за другом над водой, играют в какие-то свои игры. Замок, как всегда, тянется к небу, высоко-высоко над городом. Может быть, мы сходим туда, наверх, когда папа вернется из командировки. Посмотрим смену караула, поглядим с высоты на Прагу. Я попрошу папу, когда он перестанет делать мне замечания.

Мы свернули с набережной на мост, забитый людьми и машинами. Отлично. Вот идет Павел Горен, наш доктор. У него такое большое брюхо – ни у одного доктора такого нет. Но почему он идет не в Староновую синагогу, а от нее? Впрочем, какая разница. Главное – он отвлечет папу.

– Шабат шалом³, Павел, – говорит папа.

– Привет, Карл, – отвечает Павел и ерошит мне волосы, бурчит своим брюхом прямо мне в ухо. – Скажи-ка, Миша, неужели ты еще подросток?

Я не отвечаю. На мосту сейчас как раз самый подходящий момент. Старики с палочками. Девушки болтают друг с дружкой. Пес тащит на поводке супружескую пару.

– Вызвали к Магде, она опять слегла, – сообщает Павел моему папе. – Как март, так у нее всегда одно и то же.

Наверное, мне следовало посочувствовать Магде, но у меня есть заботы поважнее. К тому же я уверен: через минуту

³ «Мирной субботы» – традиционное еврейское приветствие в субботу.

они заговорят о Германии, Гитлере и нацистах. Все взрослые только об этом и говорят. Скучища.

Мимо проходят трое парней. Старше меня, но какая разница. Старт!

Один из них говорит:

– На следующем чемпионате мы возьмем кубок, вот увидите.

– Не выйдет, – отвечает самый высокий. – Бразильцы нас снова побьют.

– Рехнулся? – возражает третий. – Олдржих играет все лучше.

– Оба вы идиоты, – говорит высокий.

Они останавливаются и начинают спорить, тыча друг в друга пальцами. Вот и славно. Я их обхожу.

Один, два, три.

Следующий – старик, еле плетется. Легко!

Четыре.

Две женщины, одна из них с коляской. К сожалению, младенцы не считаются.

Тем не менее: пять, шесть.

Когда-нибудь это станет олимпийским видом спорта. Должно стать. Олимпиада состоится в Праге, я буду героем Чехословакии. «Грюнбаум вот-вот установит новый рекорд. Обходит немца. Тридцать семь! Тридцать семь прохожих за один проход по мосту! Новый олимпийский рекорд!»

Так, хорошо, надо сосредоточиться. И не бежать. Если по-

бежишь и тебя засекут – дисквалификация.

Впереди семья, как наша. Родители и брат с сестрой. Сестра года на четыре старше, как моя. Небось тоже все время ворчит, что братик ведет себя как маленький. Это не важно, главное – они остановились и бросают хлебные крошки чайкам.

Семь, восемь, девять, десять.

Не отвлекаться на полпути. Не засматриваться на лодку, что проплывает внизу. И не поддаваться соблазну, не оглядываться на старый замок, даже если с этого места он особенно красив. И даже если это самый большой замок в мире. Честное слово, иногда его четыре шпиля, особенно самый высокий, над центральным нефом, уходят прямо за облака.

– Михаэль Грюнбаум! – кричит отец мне вслед. – Куда ты?

Я притворяюсь, будто не слышу. Совсем уж сильно папа не рассердится, он почти никогда не выходит из себя. В том числе и поэтому он лучший на свете.

Парочка, держатся за руки. Проще простого.

Одиннадцать, двенадцать.

Еще четыре – и рекорд.

Женщина выгуливает собаку.

Тринадцать.

Двое мужчин, спорят между собой по-немецки. Шагают быстро, словно знают об игре, словно специально посланы помешать чемпиону, на которого возлагает надежды наша страна. Только номер не пройдет, господа. Ноги у меня хоть

пока и короткие, зато проворные.

Четырнадцать, пятнадцать!

Я повторил свой рекорд.

Только, ох, вот беда – больше нет пешеходов. А до конца моста осталось каких-нибудь пятнадцать метров, и он стремительно приближается.

Ладно, повторить рекорд – тоже неплохо.

Но что это? Кто-то меня обходит.

Высокий мужчина в шортах. Мама бы сказала, сегодня холодно для шорт. И я тоже так думаю, хотя вслух не говорю. На ногах у мужчины спортивная обувь. Несется мимо меня. В сумке на спине круглится футбольный мяч. Слышу, как он сопит, шея так и блестит от пота в лучах солнца.

Наверное, профессиональный атлет. Или готовится в атлеты. Может быть, знает самого Антонина Пуча. Дай-ка угадаю: нападающий. Ну и что? Я, Миша Грюнбаум (родители называют меня Михаэлем, лишь когда отчитывают), однажды попаду в олимпийскую команду Чехословакии по обгони-всех-на-мосту. К 1948 году, самое позднее к 1952-му, этот вид спорта будет признан олимпийским, а я как раз буду в расцвете сил.

И я срываюсь с места, потому что есть малоизвестное правило, только настоящие спортсмены его знают: если кто-то другой бежит, то и ты можешь побежать, чтобы его обогнать. В таких случаях бежать разрешается. Папа будет недоволен, что я бегаю в костюме для синагоги. Но что поделать? Ко-

гда-нибудь я повешу на стене в нашей гостиной свою медаль, стану героем Чехословакии, и он поймет, ради чего все это.

Шесть метров до конца моста. Мужчина в шортах оборачивается, озадаченный. Ухмыляется. Прибавляет шаг. Но где ему состязаться с великим спринтером Грюнбаумом.

Я пересекаю линию финиша за миг до него!

Толпа беснуется!

Звучит национальный гимн!

Шестнадцать!

Новый рекорд! Победа! Шестнадцать!

– Миша! Миша!

Я поворачиваюсь и спешу обратно к папе. Утираю пот рукавом, аюсь папа не заметит. Стараюсь отдышаться на ходу.

– Посмотри на замок, – прошу я папу в надежде, что это его отвлечет.

– Миша, – говорит он строго. – Тебе всего восемь лет. Нельзя так убегать. Я же не могу...

– Давай туда сходим, – указываю я ему за плечо.

– Куда? О чем ты?

– В замок.

Папа открывает рот, хочет что-то сказать, но я его опережаю:

– В воскресенье, после того как ты вернешься из Лондона. Ну пожалуйста!

Папа сует сумку с талесом⁴ под мышку и оборачивается

⁴ Талес – покрывало, которое иудеи накидывают на себя во время молитвы.

лицом к замку. Сработало! Я вижу по его глазам. Он забыл обо всем. Может быть, даже про этих дурацких нацистов забыл, о которых он и все взрослые только и говорят.

– Почему бы и не сходить, – говорит он и смотрит туда, на другой берег.

Он обнимает меня за плечи, и мы идем по мосту в сторону синагоги.

– Только бы дождя не было.

Папа всегда такой. О чем-нибудь да беспокоится. Что-то всегда может пойти не так. А знал бы он про мой новый рекорд, понял бы, что дальше все будет только лучше и лучше. Уж я-то не ошибаюсь.

15 марта 1939 года

– Миша, отойди от окна! – окликает меня мама из кухни.

Но я не слушаюсь, не могу. Не каждый же день целая армия марширует мимо дома. Сперва танки, настоящие. Десятки и десятки. Грохочут гусеницы, пушки нацелены прямо вперед. За ними мотоциклы с колясками. Вот бы в такой прокатиться. Только не с нацистом на пару. Если бы с папой...

Только он все еще в Лондоне, так обидно.

Мама дома, но что проку, она мотоцикл не водит. Постояла несколько минут рядом со мной у окна, положив мне руку на плечо и дыша так глубоко, словно собиралась нырнуть в озеро, на самое дно. Покачала головой и ушла.

Кажется, мама ушла в тот самый момент, когда люди на тротуарах начали приветствовать мотоциклистов. Так, как принято у немцев. И даже на балконах кое-кто их приветствовал – вскидывал прямую руку, ладонь вытянута, пальцы вместе. От груди вверх по диагонали. Немножко похоже на то, как поднимаешь руку, чтобы учитель непременно, непременно тебя вызвал. Я и сам так делал, то есть пробовал. У себя в комнате, за плотно закрытой дверью. Родители бы меня убили, попадись я на этом.

Я слышу мамин голос. Она разговаривает на кухне с Кристиной, своей подругой, которая живет на нашей улице. Они

выключили радио, и теперь я различаю, как они шепчутся – даже сквозь этот грохот на улице.

А где Мариэтта? Конечно, у себя в комнате, читает. Она держится, как положено старшей сестре: мол, ей на все наплевать. Но как можно наплевать на такое? Целая армия, наверное сильнейшая в мире, марширует прямо у нас под окном.

Вот и солдаты. Сотня за сотней. Идеальные прямоугольники – в каждом рядов по двадцать. Не меньше двадцати. По семь солдат в ряд. Гигантские марширующие прямоугольники. Сколько – не сосчитать. Ноги совершенно прямые, как руки в нацистском приветствии. Колени не сгибаются. Все разом выбрасывают ногу вперед, носки вытянуты, все разом – левая, правая. Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз. Ноги как будто вылетают из-под круглых металлических касок темного тускло-зеленого цвета. И они, каски, словно и не движутся. Как и ружья на плечах – не шелохнутся.

– Лечи! – зову я няню: я слышу, как она возится в гостиной, хотя там и без того чисто. Сегодня для няни работы не осталось, я же вижу, мама убирала без передышки с той минуты, как я утром вышел в школу.

– Да, Миша?

Я указываю вниз, на улицу.

– Что это у них?

Лечи подходит, за ней тянутся знакомые запахи сахара,

мыла и чего-то еще, чего я не умею разобрать.

– Это? – переспрашивает она; длинное ее худое лицо словно застыло.

– Блестящие штучки, которые торчат у них на ружьях. Что это?

– Штыки, – отвечает Лечи. – Прикреплены к стволам винтовок, Миша.

– Похожи на ножи, – говорю я. – Но зачем нож, когда есть ружье? А стрелять они не мешают? У наших солдат тоже такие есть?

Лечи не отвечает. Ушла. Солдаты под окном всё еще маршируют, и все больше людей вскидывают руки в приветствии, словно счастливы принять в городе такую огромную армию. Над частью толпы натянули огромный красный транспарант. Он весь красный, в середине белый круг, и в нем черная свастика. День пасмурный, очень пасмурный, но красная ткань так и горит. Здорово немцы организованы, не забыли привезти с собой флаги и транспаранты.

– Миша! – Это вернулась Лечи. – На тебе.

Она протягивает мне тарелочку с печеньями в форме полумесяца, звезд и завитков. Наверное, она и свастику сумела бы испечь, только я бы есть не стал. Как странно, что она принесла мне печенье прямо сюда. Здесь же не положено есть. Няня сама тысячу раз мне запрещала. Нет, я, конечно, не возражаю.

Лечи возвращается на кухню. В доме тихо. А Кристина

уже ушла? Тоже странно, ведь обычно она со мной прощается, целует сначала в одну щеку, потом в другую, ее светлые волосы занавешивают мое лицо, когда она вот так склоняется надо мной. А где мама, у себя в комнате? Ладно, мне больше печенья достанется.

Когда же закончится парад? Откуда берутся всё новые солдаты? И зрители не уходят – ни с улицы, ни даже с балконов. А что делает та пара? Зачем перелезли через парапет? Даже Ярек, самый храбрый мальчик у нас в классе, не решился бы на такое. На высоте пятого этажа – ни за что. Он же не безумец.

Эти двое стоят на краю балкона, снаружи, и держатся за руки. То есть у каждого остается лишь по одной свободной руке, чтобы цепляться за перила. Я раскрыл рот – позвать маму, но что-то мне мешает, и это «что-то» вовсе не полупрожеванное печенье.

Эти двое сдвинулись еще дальше, к самому краю. Что они творят? Это опасно! Ну же, хватит дурить, перелезайте обратно!

Они спрыгнули.

Спрыгнули!

Или просто отпустили руки? Не важно, как именно, – вот они летят, с него сразу свалилась шляпа, ее платье раздувается, как парашют. Только слишком маленький парашют. Такой парашют ее не спасет, и она не сумеет спасти своего спутника. Так быстро они падают, и при этом их тела мед-

ленно поворачиваются вбок. Они падают!

Я прижимаюсь носом к окну, чтобы получше рассмотреть, но от моего дыхания стекло запотеваает, и я бегу к другому окну, по ту сторону дивана. Налетаю на кофейный столик, падаю, больно ударяюсь локтем об пол, и тут мне кажется, что я все это выдумал.

Чего ради люди станут прыгать с балкона? Даже если нацисты очень мерзкие, не с балкона же прыгать? Что может быть страшнее, чем броситься вниз с такой высоты? Наверное, мне привиделось.

Я кое-как поднимаюсь на ноги, но не могу сообразить, что теперь делать. Самое разумное было бы позвать маму. Особенно если эти двое действительно спрыгнули, если они сейчас лежат, распластавшись на тротуаре. Не хочется думать, что будет, когда я посмотрю в окно и увижу, как они там лежат, как кровь хлещет отовсюду, откуда она должна хлестать, если удариться оземь с такой силой.

Но если я позову маму, а на самом деле ничего не случилось – я очень, очень, очень хотел бы верить, что не случилось, – тоже выйдет скверно. Мама уставится на меня так, будто я сошел с ума, или рассердится: как я мог такое вообразить? Или опять скажет, что я стал слишком поздно укладываться спать с тех пор, как папа уехал. И загонит меня спать пораньше – а это уж и вовсе плохо, потому что, даже если ничего не произошло, я все-таки уже предчувствую, что буду сегодня долго, долго лежать без сна.

И вот я стою и не знаю, что делать. Но вскоре и мои вопросы теряют смысл. Потому что я их увидел. Краем глаза. Ту пару. Лежат ничком, все еще держась за руки, их тела образуют кривую букву V в каких-то полутора метрах от марширующих солдат. А те будто ничего и не замечают. Крови не вижу, но от этого не легче, ничуть.

Я подхожу к окну и зову: «Мама!» – но получается слишком тихо. Десятки и сотни солдат шагают мимо упавших, будто эта кривая V – случайно слетевшие с балкона простыни. Я снова пытаюсь позвать маму, но гортань сжимается и не издает ни звука.

Что за армия учит своих солдат не замечать, как падают сверху люди? Что за солдаты шагают вперед, не отклоняясь ни на миллиметр, даже мимо кривой мертвой V?

Эти двое – а вдруг им было известно что-то, чего мы не знаем? Вдруг они вовсе не сошли с ума? Скажем, они жили в Германии и знают, на что это будет похоже здесь. Может, они едва ускользнули из Германии и думали, что наконец-то в безопасности? Может, они не сумасшедшие, но они знали, что самое страшное – жить там, где правят нацисты?

Я понимаю, что так думать некрасиво, но все же очень надеюсь, что они всего лишь сумасшедшие. Настолько сумасшедшие, что спрыгнули с балкона. Ведь если они не безумцы, если они сделали это сознательно – я даже представить себе не могу, что же это значит.

Лучше мне пойти в свою комнату. Я беру еще одно пече-

нье, но жевать его не хочется. В коридоре сталкиваюсь с мамой – она возвращается из ванной. Мой рот будто сам собой открылся, чтобы рассказать, что я сейчас видел, но тут же захлопнулся. Наверное, решил, если ничего не говорить, то еще может оказаться, что глаза меня подвели.

Мама наклоняется поцеловать меня в голову, но я прохожу мимо, не останавливаясь. Только отмахиваюсь, когда мама напоминает мне поиграть на скрипке. Следующее, что помню: я сижу на постели, таращусь на печенье-звезду, один луч отломан, и все печенье влажное от пота и крошится в моем кулаке.

2 октября 1939 года

– Миша, – сказал папа однажды днем, когда я пришел из школы. – Не хочешь ли наведаться к «Королю железных дорог»?

Я даже отвечать не стал, просто вскочил и схватил куртку. Ведь «У короля железных дорог» – лучший магазин во всей Праге, а я там сто лет не был. Папа водил меня туда еще перед отъездом в Лондон, где он пробыл несколько месяцев, только недавно вернулся. Пока мы ждали лифта (наш дом один из самых первых в городе был оборудован лифтом), я чуть не проговорился, что на моей памяти мы никогда не ходили в «Короля» будним днем, но промолчал – а то вдруг папа передумает. Посмотрел на него и улыбнулся, и все. И папа мне улыбнулся, но как будто рассеянно. Или это потому, что он очень устал, хотя, когда смотришь на него издали, кажется, вроде всё как всегда: отличный костюм, отличный галстук.

Я выбежал из подъезда первым и сразу свернул влево, потому что с тех пор, как та пара спрыгнула с балкона, я старался не ходить там, где они упали. Но папа указал большим пальцем в другую сторону.

– Пойдем для разнообразия по Шимачковой.

Я чуть было не скорчил гримасу, но вовремя остановился

– папа не успел заметить. Я же знаю, почему так надо. Потому что улица Велетржни для евреев теперь закрыта. Немцы все время принимают новые указы и правила. Эти тупые немцы. И почти все правила – для нас, евреев. Чтобы мы не ели почти ни в каких ресторанах, не плавали в городских бассейнах, даже в школе с немецким языком учиться нельзя. Мариэтте пришлось перейти в чешскую школу, а я и так был в чешской. У нас отобрали радио, а примерно месяц назад запретили выходить на улицу после восьми вечера. Не то чтобы я обычно гулял так поздно, и все же это нечестно.

Нам пришлось даже расстаться с Лечи, потому что неевреям больше нельзя работать у евреев. Последний день был самый тяжелый. Она приехала спозаранку и принялась драить квартиру и готовить так, словно от этого зависела ее жизнь. Мама все время говорила ей: хватит, ничего не нужно делать, уговаривала пойти в гостиную – выпить чаю. А когда Лечи все-таки села за стол, то позвала меня. Я пришел, и она усадила меня к себе на колени, как делала много лет назад, хотя теперь я слишком большой, чтобы сидеть у кого-то на коленях. И все-таки я не стал спорить, потому что видел, как для нее это важно. Она очень крепко обняла меня и заплакала, и тогда моя мама тоже заплакала, и я чуть не заплакал вместе с ними. Сполз с няниных коленей и ушел к себе в комнату.

Мы с папой прошли мимо того места, куда упали те двое. На следующий день после того, как это случилось, я спускался и осматривал тротуар, но не нашел никаких следов: ни

ямки, ни трещины, ничего такого. Я спросил маму, правда ли это было, но она покачала головой и предложила «обсудить это в другой раз». Другой раз так и не наступил. Я еще как-то заговаривал с ней, но мама сильно огорчилась, стоило об этом упомянуть, и я перестал.

Честно говоря, не так уж трудно забыть о том, как они прыгнули, потому что с тех пор случилось и продолжает случаться много другого, тоже очень плохого. Миллион правил, которые нацисты нам навязали. Часть из них касается денег, бизнеса, банков, судов и тому подобного. Когда папа вернулся, я попросил его разъяснить мне, что к чему, и он попытался, но до смысла я так и не дошел. Понял одно: у нас теперь намного меньше денег, это видно по тому, что мы едим (и чего не едим) день изо дня. И кажется, никто в семье, даже мама, не покупал обновки с тех самых пор, как пришли немцы.

Поначалу, хотя все было плохо, я думал, это же скоро кончится, можно потерпеть. Но теперь это уже тянется долго и с каждым днем становится чуточку хуже, все время появляются новые правила, нам говорят, что мы еще чего-то не вправе иметь, еще куда-то не должны ходить. Большинство ресторанов закрыто для нас, еврей не может лежать в одной больничной палате с неевреем. Все это кажется бессмыслицей, но те двое, наверное, понимали, в чем тут смысл. Так я думаю. Наверное, им откуда-то было известно, как тут все обернется.

И к тому же теперь идет война. Гитлеру мало было Чехословакии. Он захотел получить и Польшу. Кстати, это больше не Чехословакия. Теперь мы называемся «протекторат Богемия и Моравия». Протекторат – это значит «территории под защитой». Можно подумать, нам нужна их защита.

Мы сворачиваем на Яновского, навстречу нам идет Кристина. Волосы у нее сегодня такие красивые, прямо сияют. Наверное, она что-то с ними сделала с тех пор, как я видел ее последний раз, – сейчас я соображаю, что это было несколько месяцев назад. Интересно, а на ощупь они тоже теперь стали другими?

Я поднял руку и хотел помахать, но отец поспешно потянул мою руку вниз. Кристина все-таки заметила нас, но тут же отвернулась и перешла на другую сторону улицы. Не поздоровалась, даже не помахала. Взяла и притворилась, будто вовсе нас не видела, хотя я точно знал: видела.

Я обернулся к папе спросить, почему она так поступила, но присмотрелся к его усталому, печальному лицу и решил: не стоит.

– Миша, – заговорил папа, когда мы дошли до реки.

– Да?

– Ты, конечно, заметил, как я мало работаю с тех пор, как вернулся из Лондона.

Я следил глазами за лодкой, проплывавшей под Штефанниковым мостом. Она двигалась так медленно, что волны от

нее почти не было. Странно, что папа умолк. Я отвел взгляд от реки, посмотрел на него. Папа зачем-то поправлял галстук.

– Да, я заметил, – сказал я. – Само собой.

– Ну вот, – продолжал он, – а теперь я... какое-то время я совсем не буду работать.

Он произнес это очень тихо и мягко, не обычным своим голосом. Я едва расслышал – с одной стороны проезжали машины, с другой, как всегда, шумела река.

– А-а, – сказал я.

Папа взял меня за руку. Несколько шагов мы прошли молча.

Тут я кое-что сообразил:

– Значит, мы теперь сможем гулять вместе и на неделе?

– Наверное, – ответил папа.

– В походы ходить?

– Вероятно.

– Потому что, смотри, – я заговорил быстрее, – Лукаш, у нас в классе, говорит, у него уже двенадцать значков на походной палке. Даже с горной гряды Крконоше. Я Лукашу не верю, а он не соглашается принести палку в школу. Говорит, родители не разрешают. У меня значков только восемь. Восемь? Нет, девять. И все-таки... В общем, я подумал, может, мы... Если у тебя сейчас больше времени, мы могли бы наметить походы. В Штеховице, и на гору Ловош, и даже...

– Посмотрим, Миша, посмотрим.

Мы в последний раз завернули за угол, и я ринулся вперед, к «Королю железных дорог». Со всех сторон в уши хлынул грохот поездов, моделей, которые носились кругами по игрушечным рельсам. Я подбежал к огромной витрине. Вот они: длинный черный паровоз тащит вагоны с углем, целую цепочку, а за ним едет серебристый локомотив и при нем полдюжины красных пассажирских вагонов. А еще поезд с бревнами, и кто знает, что там еще внутри зеленых товарных вагонов. Поезда ползут по серпантину вокруг гор, мимо крошечных лесов, через мосты, по ущельям. Когда поезда пересекают границу города, на каждой улице автоматически опускаются белые шлагбаумы. Поезда несутся так стремительно, я боюсь, не свалятся ли они с рельсов на повороте, но каким-то образом они держатся крепко.

Дверь магазина отворилась, папа вошел и встал рядом со мной. С минуту мы оба молчим. Зря я не начал собирать все, что нужно для железной дороги, еще в прошлом году. Теперь из-за папиной работы, вернее, из-за того, что у него нет работы, а еще потому, что евреям того и гляди запретят иметь модели поездов, будет непросто заполучить все, что мне требуется.

– Скоро ли мы сядем в настоящий поезд? – спрашиваю я папу.

– Увидим, Миша, – отвечает он, положив руку мне на плечо.

Я пытаюсь сообразить: а вдруг есть уже и закон, запрещающий евреям ездить на поезде? Правил столько, что я в них путаюсь. Думаю, и родители тоже запутались. Они все время спорят – приглушают голоса, чтобы я не разобрал о чем. Шепчутся, даже когда людям положено спать. Я слышу, потому что по ночам выхожу иногда в туалет. И каждый раз из-под двери их спальни пробивается свет. Наверное, все дело в этих новых правилах. Так что я не стал спрашивать папу, можно ли нам еще ездить на поезде. Сам сообразил: можно. Раз уж немцам мы так не угодили, они только рады будут, если мы все сядем в поезд и уедем от них подальше.

16 сентября 1940 года

– Скорее, Миша, – торопит мама. – Уже почти полчетвертого.

– Еще минуточку, – прошу я. – Я заканчиваю.

То есть заканчиваю домашнее задание. Правда, не совсем настоящее, потому что школы больше нет. Евреям не положено учиться. В конце лета объявили, что и в чешские школы нам тоже ходить запрещено. Так что третий класс я прохожу в гостинной у Эрика Лауба. Нас там собралось шестеро, и две девушки, которые по возрасту могли бы уже пойти в институт, преподают нам все предметы. Мы сидим кружком на деревянных стульях, а вместо перемены играем в карты.

– Миша! – Мама внезапно возникает в дверях, голос у нее очень недовольный. – Если мы не выйдем сейчас же, мы опоздаем.

Опоздаем – в смысле в магазин, ведь евреям разрешается делать покупки только с трех до пяти.

– Хорошо, хорошо, иду.

– Ты сегодня не играл на скрипке, верно?

– И что?

– А то, что первым делом, как только вернемся... ты меня понял?

Подошел трамвай, мы сели в задний вагон, хотя в перед-

нем свободно. Еще одно правило: евреям ездить только в заднем вагоне. Сидячие места все заняты, и мы стоим, а трамвай грохочет по улице. Мама поздоровалась с кем-то знакомым, а потом умолкла, смотрит неподвижно в окно через мое плечо. Вид у нее усталый. Раньше она так нарядно одевалась, а теперь на ней простое серое платье и никаких украшений. За последние месяцы она все в доме перебрала в поисках каких-нибудь ценных вещей, которые немцы не отобрали: они сказали, что нам не полагается иметь фотоаппараты, печатные машинки, шерстяные пальто и много чего еще. В том числе и лыжные ботинки. Наверное, боятся, как бы мы не потоптали их драгоценные горы. Которые, между прочим, вовсе не их.

А те ценности, какие маме удалось сберечь, – картины, ювелирные изделия, ее лучшие платья – постепенно исчезают. Кое-что мама отдала на хранение неевреям, которых мы хорошо знаем, тем, которые не перестали с нами разговаривать. Остальное переправили на склад в Лондоне. В квартире у нас стало совсем пусто.

– Когда это закончится, нам все вернут? – спросил я.

– Ты о чем? – откликнулась мама так, словно я ее разбудил.

– Ни о чем, – сказал я и предпочел не повторять свой вопрос и не задавать еще один, который давно уже меня тревожит: почему никто не хочет помочь нам и другим евреям в Праге? Хотя, если бы все было наоборот, мы бы непременно

но им помогли.

По крайней мере, я очень надеюсь, что мы бы помогли.

Трамвай остановился, и мы вышли.

– Это не важно, – на всякий случай добавил я.

Магазин, как и задний вагон трамвая, забит людьми. Евреями. Мне столько всего хочется купить – куриную печень, селедку, салями, мед, свежий хлеб, – но я помалкиваю, ведь у нас почти нет денег. Папа не работает, сбережения тают, и мама выбирает продукты очень медленно, внимательно изучая цены. Провозившись чуть ли не час, она наконец кладет что-то в корзину и тут же вынимает снова.

Мы выходим из магазина всего лишь с одним пакетом и идем к остановке трамвая, но мама говорит:

– Давай прогуляемся.

Прогуляться – неплохая идея, только приходится идти мимо парка с дурацкой вывеской «JUDEN VERBOTEN» – евреям вход запрещен. Компания мальчишек моего возраста гоняет мяч. Везунчики.

– Миша! – заговорила мама, когда мы прошли еще несколько кварталов.

– Да?

– Я должна тебя предупредить...

– А?

– Скоро мы переедем.

– Как это?

– Из нашей квартиры.

– Переедем? – повторил я, будто это какое-то непонятное слово. – Почему вдруг?

– Наша квартира слишком велика и...

– Вовсе нет. Совсем не велика. Наша квартира – самого правильного размера. С чего это она стала велика?

С минуту мама не отвечает. Мы стоим на углу и ждем, пока проедут машины.

– Немцы велели всем евреям перебраться в старую часть города. К Староновой синагоге. Все будут жить там. В конце недели переедем и мы.

Я нашел камушек на обочине и начал пинать его перед собой. Точно, я бы играл в футбол лучше тех парней. Но если бы я пнул камень в их сторону, чтобы дать понять, что я тоже умею играть в футбол, они бы могли и кинуть им в меня. Как те ребята на прошлой неделе, когда я возвращался домой от Лаубов. Они даже погнались за мной, но я нашел возле церкви отличное место, где спрятаться, и они пробежали мимо. Я никому об этом не рассказывал.

– А в новом доме будет лифт? – спрашиваю я маму.

– Нет, Миша. Это старый дом, там нет лифта.

Пальцы на ногах уже болят от ударов по камушку. Я в последний раз подбиваю его, направляя в воображаемые ворота, – и почему-то промахиваюсь.

– А школа как же? – спрашиваю я, как раз когда мы проходим место, куда упали те двое. По крайней мере, хоть о

них не буду вспоминать каждый день, если мы переедем в другую квартиру. Но с каждым днем становится все понятнее, почему они так поступили.

– Найдем, где тебе заниматься.

– Опять у кого-нибудь дома, – уточняю я, но мама не отвечает.

Мы сворачиваем на нашу улицу, которая скоро не будет нашей.

– Мама.

– Что?

– Если все евреи поселятся в Старом городе, как ты думаешь, там-то нам разрешат играть в парках?

– Не знаю, Миша, посмотрим...

– Если я теперь не хожу в обычную школу, это же не значит, что я должен и в футбол разучиться играть, правда?

Мы входим в наш дом, который скоро не будет нашим.

– Когда мы переедем, когда мы все будем там, как ты думаешь, они оставят нас в покое?

Мама ничего не отвечает. Спускается лифт. Мы входим в него, и я нажимаю кнопку с цифрой 4, потому что за лифт отвечаю я. Когда мы только въехали в этот дом, я готов был кататься на лифте часами, просто ради удовольствия. Но теперь и в этом особого удовольствия нет.

– Оставят они нас в покое? – повторяю я.

– Посмотрим, посмотрим.

– Что значит – посмотрим? – уже почти кричу я. – Каждый

день мы видим, что становится только хуже. Каждый день новые дурацкие правила, и еда все хуже, и нельзя играть в футбол, и никто даже не думает нам помогать, хотя...

– Миша, я все это знаю, – говорит мама и выходит из лифта.

И я понимаю, что самое время заткнуться, но почему-то не могу. Прямо-таки ору на всю лестничную площадку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.